

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИНЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

© Жадыра Амангельдиевна БАЯНБАЕВА

старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т аль-Фараби, 71
аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
E-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

© Айнагуль Бектасовна ТУМАНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
E-mail: a.tumanova@inbox.ru

© Рауза Имангалиевна УТЕПОВА

старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
E-mail: roza_utepova69@mail.ru

Осмыслены представления о родине в художественном пространстве (на материале произведений казахстанских писателей и поэтов А. Алимжанова, О. Сулейменова, Ю. Домбровского). Выявлены языковые особенности репрезентирующих лексем: от родины «малой» (степь, дом, дерево) до родины «большой» (страна/государство, народ/люди, Земля/Вселенная). Доказано, что наиболее ярко индивидуальность текстового пространства проявляется в возможности свободного выбора тех или иных языковых средств в качестве доминирующих и стилеобразующих (метонимия, метафора, индивидуально-авторские слова и обороты, доминанты и др.). Особое внимание в художественных текстах уделяется представлению о *дереве* как архетипе – наличие семантического элемента «жизнь» (ср.: мировое древо, древо жизни), поскольку существует особо тесная связь у человека с плодоносящими деревьями: такое дерево больше принадлежит миру культуры, чем миру природы. Деревом-символом для Алма-Аты (ныне Алматы) является *яблоня*, которая ассоциируется с родным, любимым городом. Наблюдения показали, что лексемы *тополь*, *яблоня*, *яблоко*, *горы*, *тополь* (живое *дерево*), словосочетание *кафедральный собор* (трансформированное *дерево*) выступают символическими коррелятами города Алма-Аты. Не случайно частотные слова *степь* и *тополь* в художественных текстах и по сей день несут в себе отпечаток отражения мифологического мышления в культуре казахского этноса, актуализируя различные текстовые значения.

Ключевые слова: пространство художественного текста; образ-родина; степь; земля; город-дом

В современной науке с позиций антропоцентрического подхода вновь и вновь рассматриваются актуальные вопросы, связанные с анализом текста, текстовых категорий (время, пространство, событие) и их интерпретацией. Исследование текстовой категории *пространство* вызывает особый интерес, чем и объясняется выбор нашей поставленной темы.

Как известно, в художественном дискурсе передаются не только существенные свойства пространства как объективной категории (как отражение реального мира), но и репрезентируется пространство, созданное

авторской фантазией, творческим вымыслом (отражение воображаемого мира). Так, например, Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин справедливо утверждают, что «в художественном тексте воплощается объективно-субъективное представление автора о пространстве. При этом объективность, достоверность художественного образа пространства обусловлена гносеологической природой текста, тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности. Субъективность, в свою очередь, обусловлена тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности, которые детерминированы на-

мерениями и установками автора, его творческим замыслом, мировоззрением, концептуальными основами литературно-художественного пространства, ценностными и другими ориентирами» [1, с. 96].

Категория пространства характеризуется протяженностью мира, его связностью, структурностью, многомерностью, многоаспектностью и др. Пространство как основная форма существования мира и человека в нем широко отражается в языке, сознании, культуре, мифологии. Представим ряд основных положений из научных работ по данному вопросу.

В.Н. Топоров указывает на существование двух пониманий пространства: 1) это «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися» (по И. Ньютону); 2) «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования» (по Г.В. Лейбницу) [2, с. 228]. В сфере искусства используется второе (более конкретизированное, дополненное – *уточнение наше*) представление пространства: упорядоченное, структурированное; оно «одушевляется» человеком и является особой областью его представлений о мире [3].

Известно, что пространство как одно из проявлений реальности заполнено людьми и вещами. В нем традиционно различают мир «обжитой» и мир незнакомый (Вселенная, космос), выделяют мифологическую и архаическую модели мира. Приведем наиболее полное, на наш взгляд, определение термина «пространство», данное Е.С. Кубряковой: «...Это то, что попадает в поле зрения не только перед ним, но и при сознательном разглядывании окружающего в ходе поворотов головы в направлении «вверх–вниз», «вперед–сзади», «справа–слева», то есть во все стороны» [4, с. 12].

Ученые связывают текстовое пространство (локальность) с представлением отраженного подобия реальной действительности. Выделяются следующие типы текстового пространства: объективное (диктумное) и субъективное (модусное); концептуальное пространство (разновидность объективного на уровне логических абстракций) и художественное пространство (разновидность субъективного, создающая художественный об-

раз пространства); открытое и замкнутое; пространство конкретное и абстрактное, реально видимое и воображаемое. Другая типология предложена И.Я. Чернухиной с учетом выделения оппозиций конкретное – трансформированное – абстрактное – обобщенное. Она дает следующее определение художественного пространства: это «продукт творчества автора, эстетический способ речевого воплощения физического и философского аспектов пространства в пределах прозаического и поэтического текстов» [5, с. 11].

Интересна антропоцентрическая концепция пространства художественного текста М.М. Бахтина, согласно которой в художественном произведении предстает двойное сочетание мира с человеком: мир как окружение человека (описание извне) и мир как кругозор человека (описание изнутри). В первом случае – это определенное сочетание предметов, объектов, красок и т. п. с персонажами, которое предстает как целостная картина и, конечно, оказывает воздействие на читателя. Во втором случае – это отображение мира как кругозор того или иного субъекта посредством его сознания, которое описывается через мысли, поступки, слова и т. д. В своих работах он уделяет особое внимание природе определенного художественного пространства, в пределах которого выделяет локально-этическую метафору – дорога, путь – для характеристики своих героев, при этом различая героев пространственной неподвижности от движущихся героев, то есть персонажей «пути»/«степи» [6].

Г.Д. Гачев отмечает, что русский образ пространства представляет собой горизонтальное движение, однонаправленную бесконечность, а болгарский образ пространства – это круглый, замкнутый космос [7]. По словам В.А. Масловой, есть пространство, которое окружает человека как защитная аура, размеры этого пространства специфичны для каждого народа [8, с. 88].

По мнению исследователей Т.В. Топоровой, В.А. Масловой, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и др., согласно мифологическому пространству границы вселенной расходятся «от человека» концентрически все большими кругами. Самый ближний круг, микрокосм, – это сам человек, его границы – тело и одежда, прикосновение к которым расценивается в разных культурах как

нарушение этических норм. Следующий круг – дом человека, его ближайшее окружение [9, с. 89].

Мы разделяем утверждение В.А. Масловой, что дом – «это разновидность пространства, причем он ассоциируется сугубо со «своим» пространством, как-то отгороженным от внешнего мира. Дом служит связующим звеном в общей картине мира: с одной стороны, принадлежит человеку, с другой – связывает человека с внешним миром. Это как бы внешний мир, уменьшенный до размеров человека, то есть здесь реализована триада: дом – человек – мир. Структура дома повторяет структуру внешнего мира. Дом – это мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим» [8, с. 90]. Все пространство человека – от интерьера его дома и до великого Космоса – исчерчено видимыми и невидимыми границами. Границы, проходящие в пространстве, занимают важное место в культуре. Различают *окно, дверь, порог* и другие элементы дома как границы дома. Последняя граница вокруг человека – это *граница «своей» земли, родины*. Первоначально это была граница «малой» родины, заданная самой природой [8, с. 90-92].

Наиболее ярко индивидуальность текстового пространства проявляется в возможности свободного выбора тех или иных языковых средств в качестве доминирующих и стилиобразующих (метонимия, метафора, индивидуально-авторские слова и обороты, доминанты и др.). Попробуем рассмотреть, каким образом репрезентируется концепт 'родина' в художественном пространстве русскоязычных писателей Казахстана (А. Алимжанов, О. Сулейменов, Ю. Домбровский).

В художественном пространстве А. Алимжанова слово «степь» нами интерпретируется как образная текстовая доминанта. Анализ данной доминанты предполагает сплошную выборку фрагментов со словом «степь», фиксацию референциальных смыслов, наращений; описание семантической структуры ключевого слова; фиксацию ассоциативных параллелей и их национальных особенностей. В произведениях А. Алимжанова слово «степь» обладает высокой частотностью, и данное слово актуализирует различные текстовые значения: степь (основное словарное значение) – «безлесное пространство, бедное влагой и обычно ровное пространство с тра-

вянистой растительностью в зоне сухого климата; степь – «родина, страна, Родная земля»; степь – «поле (место) битвы»; степь – «незнакомое, прекрасное»; степь – «мечеть» [10]. Во всех перечисленных значениях присутствует образ натурфакта степь в качестве обусловленного узуальными языковыми связями, закрепленными в обоих языках (русском и казахском). Семантической константой при всех вариациях данного слова в дискурсе А. Алимжанова выступает смысл – «родина», «страна», «родная земля». В художественном дискурсе писателя нами выделяются функциональные заменители слова степь: край, земля, Казахстан. Наблюдения показали, что метонимия Казахстан не обладает высокой частотностью, однако данное слово используется автором в момент описания решающих исторических событий, играющих важную роль в судьбе казахского народа. Контекст помогает определить то, что слово «Казахия» имеет глубокое, более емкое смысловое наполнение, указывающее на выполнение идентифицирующей идиоэтнической функции в данном ряду репрезентаций концепта *родина*. Тогда это одновременно и *родина, народ, государство, родная земля*.

Например:

Наверное, никто и никогда на земле не знал такого страшного джута. Джут помог джунгарам осилить **Казахию**. Стоя неся по всей казахской земле от Алтая до Едила. Умирала **великая Казахстания**. Умирал **народ**, проклиная всех богов, выдуманных людьми. Проклиная небо и землю. (Алимжанов А. Гонец)

Тема родины предстает и в художественном пространстве О. Сулейменова: по особому трогательно, глубоко, неповторимо [11]. Родина в творчестве поэта расширяется от дома, аула, города, степи до Земли в планетарном масштабе – *Земля моя* (не только родная казахстанская земля, родной край, а в целом планета Земля). Неслучайно исследователи называют О. Сулейменова планетарным поэтом. Показательно, что в его русскоязычном тексте легко, стилистически мотивированно используется слово-обращение – казахизм «айналайын». В этом, на наш взгляд, проникновенно, искренне, этнически показательно выражается признание в любви Земле родной:

Кружись, **айналайын, Земля моя!**
 Как никто, я сегодня тебя понимаю,
Все болезни твои
На себя принимаю,
 Я кочую, кружусь по дорогам
 твоим...

(Сулейменов О. Айналайын)

Интересен тот факт, что самим автором дается информация в предтекстовой части стихотворения, предназначенная для потенциального читателя: «*Обращение к дорогому человеку – «айналайын»*». «*Кружусь вокруг тебя*» – *подстрочный перевод*. «*Принимаю твои болезни*» и «*Любовь моя*» – *смысловые переводы*. Без сомнения, это свидетельствует о желании поэта быть понятным и понятым человеком любой национальности, не только соотечественником.

Мысль О. Сулейменова о неразделимой связи в пространстве жизни человека и целой страны, человека и целого мира, Земли как сердца Вселенной звучат в следующих строках:

Мир,
Земля,
Шар земной –
 Сочетание слов,
Сочетанье народов.
Мечей
И судеб.

Реки вспаивают поля.

Города над рекой – в заре.

И, как **сердце, лежит Земля,**

Перевитая жилами рек.

(Сулейменов О. Земля, поклонись человеку!)

Каждая культура по-своему выражает свое отношение к пространству. Одним из источников такой репрезентации является и художественное пространство Ю. Домбровского. Известно, что писатель был в ссылке в городе Алма-Ата. Исследование его творчества и биографических данных привели к выводам: «город-тюрьма» был инверсирован в «город-дом», «город-сад»; Алма-Ата для Ю. Домбровского стала местом особого вдохновения.

В научной литературе говорится, что в художественном пространстве символом может выступать сверхтопос – например, тот или иной известный город (Москва, Киев, Петербург, Алма-Ата и т. п.). Иногда символизации подвергаются атрибуты места, то

есть связанные с ним предметы живого и неживого мира: дерево, гора, плод и др.

В науке известно, что одним из константных пейзажных элементов в художественном пространстве становится *дерево*, которое ассоциируется с родным краем, с родиной. По мнению В.А. Масловой, «будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию <...> Растения, трава, деревья, по преданиям древних, обладали сверхъестественной силой – как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений – архетип *дерева-тотема*» [12, с. 161]. Деревья-тотемы представлены практически во всех мифологических картинах мира. У древних скандинавов таким деревом выступал *ясень* – ось мироздания, у номадов – *тополь* (на казахском языке: байтерек – *уточнение наше*). Неслучайно концепт '*тополь*' по сей день несет в себе отпечаток мифологического мышления в культуре казахского этноса.

Отметим еще одну универсальную черту *дерева* как архетипа – наличие семантического элемента «жизнь» (ср.: мировое древо, древо жизни). По словам Т.А. Агапкиной, существует особо тесная связь у человека с плодоносящими деревьями, так как такое дерево больше принадлежит миру культуры, чем миру природы [13, с. 84]. Таким деревом-символом для Алма-Аты является *яблоня*, которая ассоциируется с родным, любимым городом. Наблюдения показали, что *тополь* и *яблоня* – символические корреляты города Алма-Аты. Такими атрибутами-символами города Алма-Аты в творчестве Ю. Домбровского нами выделяются *яблоко*, *горы*, *кафедральный собор* (трансформированное *дерево*), *тополь* (живое *дерево*) [14]. Например, в художественном пространстве писателя с особой любовью и нежностью, восторженно описывается *тополь* как главная реликвия города-дома, который стал ему родным:

«А над садами *тополя*. Потом я узнал – они и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно. Они присутствовали при рождении города. Еще ни улиц, ни домов не было, а они уже были.

Весь город, дом за домом, квартал за кварталом, обсажен *тополями*. Нет такого окна в городе, высунувшись из которого ты не увидел бы

прямо перед собой белый блестящий или черный морщинистый ствол. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога – день и ночь по ней мчатся грузовики. Но называется она не улица, не шоссе, не дорога, а просто – аллея. «Ташкентская аллея», – говорят алматинцы. И в самом деле, огромный сотнекилометровый тракт – всего-навсего только одна большая *тополевая* аллея». (Домбровский Ю. Хранитель древностей)

Таким образом, наши наблюдения позволяют сделать следующие выводы: 1) изучение категории пространства в художественном тексте представляет собой богатый материал для исследований; 2) концепт 'родина' как один из ярких и обязательных компонентов образа художественного пространства репрезентируется различными языковыми средствами и их особым подбором в произведениях писателей Казахстана; 3) исследование представляет научный интерес и имеет перспективы для дальнейшего изучения в современной науке.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. М., 2003.
2. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227-284.
3. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.
4. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.
5. *Чернухина И.Я.* Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987. 157 с.
6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1975.
7. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. 480 с.
8. *Маслова В.А.* Концептосфера русской культуры // Введение в когнитивную лингвистику. М., 2016. С. 74-275.
9. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М., 2000.
10. *Туманова А.Б.* Экспликация модусных смыслов в художественном дискурсе писателя-билингва: монография. Алматы, 2005.
11. *Туманова А.Б.* Категория пространства как особый компонент концептосферы О. Сулейменова // Творчество Олжаса Сулейменова и вопросы национального самосознания. Алматы: КазНУ, 2016. С. 181-188.
12. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2016. 296 с.
13. *Агапкина Т.А.* Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1994.
14. *Баянбаева Ж.А.* К вопросу о локальном тексте и его функциях (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 2. С. 77-84.

References

1. Babenko L.G., Kazarin Yu.V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of literary text]. Moscow, 2003. (In Russian).
2. Toporov V.N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, 1983, pp. 227-284. (In Russian).
3. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni, vospriyatiya)* [Fragments of Russian linguistic worldimage (models of space, time and perception)]. Moscow, 1994. (In Russian).
4. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Abridged dictionary of cognitive terms], gen. ed. E.S. Kubryakova. Moscow, 1996. 245 p. (In Russian).
5. Chernukhina I.Ya. *Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta* [General specific of poetic text]. Voronezh, 1987. 157 p. (In Russian).
6. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of written word]. Moscow, 1975. (In Russian).
7. Gachev G.D. *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psicho-Logos* [National world image. Cosmo-Psycho-Logos]. Moscow, 1995. 480 p. (In Russian).
8. Maslova V.A. *Kontseptosfera russkoy kul'tury* [Conceptosphere of the Russian culture]. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to the cognitive linguistics]. Moscow, 2016, pp. 74-275. (In Russian).
9. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Dom bytiya yazyka. V poiskakh novykh putey razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya logoepistemy* [House of language being. In the search for new ways of linguistic and cultural studies development: conception of logical episteme]. Moscow, 2000. (In Russian).
10. Tumanova A.B. *Eksplikatsiya modusnykh smyslov v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva* [Explication of mode meanings in liter-

- ary discourse of writer-bilingual]. Almaty, 2005. (In Russian).
11. Tumanova A.B. Kategoriya prostranstva kak osobyy komponent kontseptosfery O. Suleymenova [Space category as special part of conceptosphere of O. Suleymanov]. *Tvorchestvo Olzhasa Suleymenova i voprosy natsional'nogo samosoznaniya* [Creation of Olzhas Suleymenov and question of national self-actualization]. Almaty, KazNU Publ., 2016, pp. 181-188. (In Russian).
  12. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to the cognitive linguistics]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2016. 296 p. (In Russian).
  13. Agapkina T.A. Yuzhnoslavyanskije pover'ya i obryady, svyazannye s plodovymi derev'yami, v obshcheslavyanskoy perspektive [Southern Slavic beliefs and rites]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* [Slavic and Balkan folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1994. (In Russian).
  14. Bayanbaeva Zh.A. K voprosu o lokal'nom tekste i ego funktsiyakh (na primere alma-atinskogo lokal'nogo teksta) [To the question of the local text and its functions (on the example of the Almaty local text)]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalistic], 2016, no. 2, pp. 77-84. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.09.2016 г.
Received 20 September 2016

UDC 82

THE NOTIONS OF NATIVE COUNTRY IN FICTION SPACE OF RUSSIAN-LANGUAGE WRITERS AND POETS OF KAZAKHSTAN

Zhadyra Amangeldieva BAYANBAEVA

Senior Lecturer of Russian philology and World Literature Department

Al-Farabi Kazakh National University

71 al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040

Post-graduate Student, Russian and World Literature Department

The Peoples' Friendship University of Russia

E-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

Aynagul Bektasovna TUMANOVA

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Philology and World Literature Department

Al-Farabi Kazakh National University

E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Rauza Imangalieva UTEPOVA

Senior Lecturer of Russian Philology and World Literature Department

Al-Farabi Kazakh National University

Post-graduate Student, Russian and World Literature Department

The Peoples' Friendship University of Russia

E-mail: roza_utepova69@mail.r

The notions of native country in fiction space (basing on the material of Kazakhstan writers and poets A. Alimzhanov, O. Suleimenov, Y. Dombrovsky) are considered. The language peculiarities of representing lexical elements: from small motherland (steppe, home, tree) to big motherland (country/state, nation/people, Earth/Universe) are revealed. It is proved that the individuality of text space is appeared in the possibility of free choice of language means as dominating and style-forming (metonymy, metaphor, individual-author's words and constructions, dominants and etc.) The attention is paid to the representation of tree as archetype – the semantic element life (comp. world tree, tree of life) as a close connection between human and bearing-age trees exists. Such tree belongs to the world of culture than to the world of nature. The tree symbol for Alma-Ata (now Almaty) is an apple tree, which is associated with native town. The research showed that lexical units cottonwood, apple tree, apple, mountains, poplar (living tree), word combination cathedral (transformed tree) are symbolic correlate of Alma-Ata. This is not by chance the words steppe and cottonwood in fiction texts still have the reflection of mythology thinking in culture of Kazakh ethnic culture, actualizing different text meanings.

Key words: fiction text space; motherland image; steppe; earth; home-city

Информация для цитирования:

Баянбаева Ж.А., Туманова А.Б., Утепова Р.И. Представления о родине в художественном пространстве русскоязычных писателей Казахстана // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 67-72.

Bayanbaeva Zh.A., Tumanova A.B., Utepova R.I. Predstavleniya o roдинe v khudozhestvennom prostranstve russkoyazychnykh pisateley Kazakhstana [The notions of native country in fiction space of Russian-language writers and poets of Kazakhstan]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kulyturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 67-72. (In Russian).